

Г. Спенсер

Основания психологии

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г11

Г11 **Г. Спенсер**
Основания психологии: Том 3 / Г. Спенсер – М.: Книга по Требованию, 2021. –
320 с.

ISBN 978-5-458-15884-8

Перевод со 2-го английского издания. С приложением статьи "Сравнитель-
ная психология человека" Г. Спенсера.

ISBN 978-5-458-15884-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРЕДМЕТА ЭТОЙ ЧАСТИ.

§ 274. Мы считаемъ необходимымъ прежде всего ограничить предѣлы того, чего читатель можетъ искать въ этой и слѣдующихъ главахъ, такъ какъ, безъ такого предварительнаго объясненія, онъ можетъ ожидать найти въ нихъ анализъ состояній сознанія всѣхъ порядковъ. Онъ будетъ предполагать, что область нашего изслѣдованія простирается не только на явленія, представляемая умственной дѣятельностью, но и на явленія, представляемая эмоціями; вслѣдствіе чего онъ будетъ ожидать отъ насъ разложенія на ихъ составныя части не только мыслей, но и страстей, или чувствъ высшихъ порядковъ.

Но сравненіе этихъ двухъ порядковъ душевныхъ явленій показываетъ, что въ то время, какъ одинъ изъ нихъ обѣщаетъ намъ доставить, при его анализѣ, удовлетворительные результаты, другой вовсе не подаетъ намъ такихъ надеждъ. Всякая вещь, которая должна быть объяснена съ помощью отдѣленія другъ отъ друга ея частей и изслѣдованія тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ эти части соединяются другъ съ другомъ, должна быть такою вещью, которая представляетъ различныя части, соединенныя между собою опредѣлимыми способами. Когда же мы имѣемъ передъ собою такой предметъ, который хотя и обладаетъ несомнѣнно сложнымъ характеромъ, но разнородные элементы котораго такъ перепутаны и такъ слиты другъ съ другомъ, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть различенъ съ ясностью, то мы можемъ заключить напередъ, что предпринимаемый нами анализъ если и не окажется абсолютно безплоднымъ, то приведетъ насъ къ заключеніямъ или

сомнительнаго или несовершеннаго характера, или и того и другаго вмѣстѣ. Но такими именно противоположными свойствами и обладаютъ тѣ роды сознанія, которые мы различаемъ, съ одной стороны, какъ умственные, а съ другой—какъ эмоциональные. Мысль, какъ бы проста или сложна она ни была, всегда содержитъ въ себѣ болѣе или менѣе опредѣлимые и обозначимые элементы, соединенные между собою связями, могущими быть описанными съ ясностью. Но страсть, или другое высшее чувство, совершенно неопредѣленно и смутно въ своихъ ограничительныхъ предѣлахъ и обладаетъ такимъ сложениемъ, которое продолжаетъ оставаться неяснымъ при самомъ терпѣливомъ изслѣдованіи его съ помощью метода внутренняго наблюденія. Кое-какіе тусклые слѣды различныхъ составныхъ его элементовъ могутъ еще быть отличены, но ограничительныя лініи какъ всего цѣлаго, такъ и его частей, обозначены такъ слабо и, въ то же время, такъ перепутаны между собою, что мы не можемъ достигнуть здѣсь ничего, кромѣ самыхъ общихъ результатовъ. Не трудно видѣть, что это есть именно тотъ характеръ, который необходимо предполагается генезисомъ эмоцій, который былъ уже прослѣженъ нами ранѣе. Стоитъ только припомнить §§ 214 и 247 въ частяхъ IV и V, гдѣ было показано, какъ эмоціи развиваются изъ сплоченія многочисленныхъ группъ разнородныхъ простыхъ чувствъ и изъ дальнѣйшаго сплоченія такихъ сложныхъ группъ въ еще болѣе массивныя и еще болѣе разнородныя группы, чтобы видѣть, что анализъ долженъ оказаться безсильнымъ для разложенія ихъ на ихъ составныя части.

Слѣдовательно, оставляя въ сторонѣ эмоціи, какъ недопускающія никакихъ дальнѣйшихъ объясненій, кромѣ тѣхъ, которыя были достигнуты нами синтетически въ предыдущемъ томѣ, мы ограничимъ здѣсь наши аналитическія изысканія только тѣми явленіями, которыя относятся къ классу явленій умственныхъ.

§ 275. Анализъ, производимый систематическимъ образомъ, долженъ всегда начинаться съ самыхъ сложныхъ явленій той группы, которую мы желаемъ изслѣдовать. Разложивъ каждое такое явленіе на явленія, стоящія всего ближе къ нему по порядку сложности, анализъ долженъ поступать подобнымъ же образомъ съ каждымъ изъ полученныхъ явленій и, такимъ образомъ, посредствомъ послѣдовательныхъ разложеній, спускаться все къ болѣе и болѣе простымъ и общимъ явленіямъ, достигая подъ-конецъ наиболѣе простыхъ и наиболѣе общихъ. Послѣдовательное проведеніе этого метода въ субъективной психологіи очень трудно. Самыя обыкновенныя операціи сознанія кажутся запутанными и затруд-

нительными для людей, непривычныхъ къ внутреннему наблюденію; когда же изслѣдованіе исходитъ, въ самомъ началѣ, изъ операций, представляющихъ самую высокую степень сложности, то слѣдуетъ ожидать, что такое изслѣдованіе можетъ показаться тяжелымъ бременемъ для умственныхъ способностей даже тѣхъ людей, которые давно уже занимаются изученіемъ нашего предмета.

Однакоже, какъ ни невыгодно такое расположеніе предмета съ только-что разсмотрѣнной точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе оно представляется наилучше приспособленнымъ для обнаруженія того общаго закона, раскрытіе котораго составляетъ цѣль этого спеціального анализа; а потому я, не колеблясь, принимаю его. Я прошу только отъ читателя крошечку терпѣнія при прочтеніи слѣдующихъ немногихъ главъ. Если онъ встрѣтитъ въ нихъ кое-что не очень понятное, пусть онъ читаетъ дальше, пока послѣдующія главы не дадутъ ему ключа къ уразумѣнію непонятаго. Если кое-какія изъ числа обсуждаемыхъ тамъ предложеній покажутся ему неважными, пусть онъ воздержится отъ окончательнаго сужденія, пока не выяснится для него все значеніе относящагося сюда ученія во всемъ его цѣломъ. И если онъ не найдетъ достаточнаго основанія, чтобы согласиться съ истолкованіемъ извѣстнаго душевнаго явленія извѣстнымъ образомъ, я прошу его принять мой анализъ на вѣру, въ томъ убѣжденіи, что впоследствии ему будутъ представлены сообщенія и доказательства, подтверждающія этотъ анализъ.

ГЛАВА II.

СЛОЖНОЕ КОЛИЧЕСТВЕННОЕ РАЗСУЖДЕНИЕ.

§ 276. Самые высокіе изъ умственныхъ актовъ суть тѣ, которые составляютъ область сознательнаго разсужденія, — разсужденія, называемаго сознательнымъ въ отличіе отъ безсознательнаго, или автоматическаго разсужденія, образующаго столь значительный элементъ въ обыкновенномъ воспріятіи. Въ сознательномъ же разсужденіи, наибольшее число составныхъ частей, комбинированныхъ опредѣленнымъ образомъ, представляетъ тотъ родъ разсужденія, который называется количественнымъ разсужденіемъ. И, наконецъ, здѣсь опять-таки существуетъ отдѣлъ, представляющій болѣшую сложность, чѣмъ остальные, — отдѣлъ, который мы можемъ разсматривать особо, какъ сложное количественное разсужденіе. Съ него-то мы и должны начать нашъ анализъ.

Даже и въ самомъ сложномъ количественномъ разсужденіи существуютъ еще различныя степени сложности, и для того, чтобы начать нашъ анализъ какъ слѣдуетъ, мы должны взять сперва самый сложный типъ. Разсмотримъ же одинъ примѣръ, принадлежащій къ этому типу.

§ 277. Предположимъ, что инженеръ построилъ желѣзную мостъ, имѣющій форму трубы, и предположимъ, что онъ находилъ, что мостъ этотъ какъ разъ на столько крѣпокъ, чтобы выдерживать то давленіе, которому онъ подвергается, — давленіе, представляющее, главнымъ образомъ, результатъ его собственнаго вѣса. Предположимъ далѣе, что ему требуется построить другой мостъ такого же рода, но двойныхъ размѣровъ. Очень можетъ быть, что нѣкоторые подумаютъ, будто для постройки этого новаго моста ему достаточно просто увеличить прежній чертежъ во всѣхъ его частяхъ, т. е. сдѣлать трубу двойной глубины (высоты), двойной ширины и двойной толщины, также какъ и двойной длины. Но онъ видитъ, что мостъ, представляющій такую пропорцію

между своими частями, не выдержит собственной тяжести, т. е. онъ заключаетъ, что или глубина (высота), или толщина трубы новаго моста должна быть болѣе, чѣмъ двойная.

Посредствомъ какихъ актовъ мысли достигаетъ онъ до этого заключенія? Онъ знаетъ, вопервыхъ, что объемы подобныхъ массъ вещества относятся другъ къ другу какъ кубы ихъ линейныхъ измѣреній и что, слѣдовательно, когда сравниваемые массы не только подобны другъ другу по формѣ, но и состоятъ изъ одного и того же матеріала, то ихъ вѣса также относятся другъ къ другу какъ кубы ихъ линейныхъ измѣреній. Онъ знаетъ также, что въ подобныхъ массахъ вещества, подверженныхъ сдавливанію или растяженію, или, какъ въ этомъ случаѣ, поперечному давленію, сила сопротивленія измѣняется какъ квадраты ихъ линейныхъ измѣреній¹⁾. Отсюда онъ видитъ, что если новый мостъ будетъ представлять во всѣхъ отношеніяхъ такія же точно пропорціи между своими частями, какъ и старый, отъ котораго онъ будетъ отличаться только двойнымъ своимъ размѣромъ, то его вѣсъ, т. е. сила тяготѣнія, т. е. сила, стремящаяся согнуть его и переломить, возрастетъ какъ кубы измѣреній, между тѣмъ какъ поддерживающая его сила, т. е. сила, сопротивляющаяся перелому, возрастетъ только какъ квадраты измѣреній, и что, слѣдовательно, мостъ долженъ будетъ рухнуть. Или, представляя это рассужденіе въ оформленномъ видѣ, онъ видитъ, что

$$\left. \begin{array}{l} \text{сила сопротивленія} \\ \text{въ меньшей трубѣ} \end{array} \right\} : \left\{ \begin{array}{l} \text{къ силѣ сопротивленія} \\ \text{въ большей трубѣ} \end{array} \right\} = 1^2 : 2^2.$$

Между тѣмъ какъ, въ то же время, онъ видитъ, что

$$\left. \begin{array}{l} \text{разрушающая сила} \\ \text{въ меньшей трубѣ} \end{array} \right\} : \left\{ \begin{array}{l} \text{къ разрушающей силѣ} \\ \text{въ большей трубѣ} \end{array} \right\} = 1^3 : 2^3.$$

Откуда онъ выводитъ, что такъ какъ разрушающая сила возрасла въ

¹⁾ Въ видахъ упрощенія рассужденія, я беру здѣсь этотъ законъ въ его простѣйшей формѣ, пренебрегая принятіемъ въ расчетъ усложняющихъ обстоятельствъ, т. е. я беру его въ той формѣ, которая предполагаетъ, будто-бы стѣнки трубы, подверженной поперечному давленію, продолжаютъ удерживать свои относительныя положенія. Впрочемъ, въ дѣйствительности, стремленіе къ изгибанію или скручиванію, носящему у англійскихъ инженеровъ техническое названіе «buckling»,—стремленіе, которому тѣмъ труднѣе противодѣйствовать, чѣмъ больше размѣръ трубы,—ведетъ за собою уменьшеніе той пропорціи, въ которой возрастаетъ сила сопротивленія. Но это обстоятельство, т. е. что сила сопротивленія возрастаетъ въ меньшей пропорціи, чѣмъ квадраты линейныхъ измѣреній, дѣлаетъ заключеніе инженера еще болѣе вѣрнымъ.

гораздо большей пропорціи, чѣмъ сила сопротивленія, то большая труба не въ состояніи выдержать своей собственной тяжести, принимая во вниманіе, что меньшая труба, какъ сказано въ самомъ началѣ, не представляла никакого избытка въ силѣ сопротивленія.

Теперь оставимъ въ сторонѣ тѣ разнообразныя акты, съ помощью которыхъ здѣсь добываются послышки и выводится окончательное заключеніе, и обратимся къ рассмотрѣнію того познанаія (cognition), съ помощью котораго узнается, что отношеніе между силами сопротивленія въ этихъ двухъ трубахъ должно быть отлично отъ отношенія между дѣйствующими на нихъ разрушающими силами, такъ какъ это познанаіе и есть настоящій предметъ нашего изслѣдованія, въ виду того, что оно представляетъ примѣръ самаго сложнаго умозаключенія ¹⁾. Замѣтимъ, что здѣсь не существуетъ никакого прямого сравненія между этими двумя отношеніями. Какимъ же образомъ становится извѣстнымъ, что они не сходны между собою? Ихъ несходство узнается черезъ посредство двухъ другихъ отношеній, которымъ они равняются, будучи взяты порознь.

Отношеніе между силами сопротивленія равняется отношенію $1^2 : 2^2$. Отношеніе между разрушительными силами равняется отношенію $1^3 : 2^3$. И такъ какъ мы видимъ, что отношеніе $1^2 : 2^2$ не равно отношенію $1^3 : 2^3$, то изъ этого мы заключаемъ, что и отношеніе между силами сопротивленія не равно отношенію между разрушительными силами. Какова же природа этого заключенія? или, лучше сказать, каковъ тотъ душевный актъ, посредствомъ котораго усматривается это заключеніе? Очевидно, что актъ этотъ не разложимъ на отдѣльныя ступени. Хотя онъ и заключаетъ въ себѣ много элементовъ, тѣмъ не менѣе онъ представляетъ одну простую интуицію, которая, будучи выражена въ абстрактной формѣ, сводится на слѣдующую аксіому: количественныя отношенія (ratios), равныя порознь другимъ количественнымъ отношеніямъ, неравнымъ между собою, также не равны между собою.

Я не намѣренъ анализировать здѣсь этой въ высшей степени сложной интуиціи. Я просто представляю ее какъ примѣръ болѣе запутанныхъ актовъ мысли изъ области сложнаго количественнаго разсужденія, — примѣръ, къ которому читатель можетъ возвратиться впоследствии, если ему будетъ угодно. Для начала же нашего анализа послужитъ го-

¹⁾ Словомъ «умозаключеніе» мы переводимъ здѣсь слово ratiocination; слово же syllogism мы такъ и переводимъ «силлогизмъ», или «силлогистическое умозаключеніе».

раздо лучше другая интуиція, сроднаго же характера, но нѣсколько болѣе простая.

§ 278. Эта интуиція воплощена въ аксіомѣ, которая, какъ я полагаю, никогда не была опредѣлительно установлена, хотя она и принимается за данную въ предложеніи XI пятой книги Эвклида; гдѣ, какъ мы сейчас увидимъ, открыто выраженное основаніе для заключенія поκειται на безмолвномъ допущеніи этой аксіомы. Это предложеніе, сводящееся къ тому, что «отношенія, равныя порознь тому же самому отношенію, равны между собою»,—намъ необходимо привести здѣсь во всей его полнотѣ ¹⁾. Вотъ оно:

«Пусть А относится къ В какъ С къ D; а С относится къ D какъ Е къ F. Тогда А будетъ относиться къ В какъ Е къ F.

G _____	H _____	K _____
_____	C _____	E _____
V _____	D _____	F _____
L _____	M _____	N _____

Возьмемъ какія-нибудь линіи G, H, K, равнократныя линіи A, C, E, т. е. происходящія отъ умноженія этихъ послѣднихъ линій на одинъ и тотъ же множитель; и возьмемъ также L, M, N, равнократныя для B, D, F ²⁾. Слѣдовательно, такъ какъ А относится къ В какъ С къ D и такъ какъ G, H суть равнократныя A, C, а L, M—равнократныя B, D, то если G будетъ больше, чѣмъ L, то и H будетъ больше, чѣмъ M; если же G будетъ равно L, то и H будетъ равно M, и если G будетъ менѣе L, то и H будетъ менѣе M. Далѣе: такъ какъ С относится къ D какъ Е къ F и такъ какъ H, K суть равнократныя C, E, а M,

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ аксіома эта выражена такъ: «Отношенія, одинаковыя (the same) порознь съ тѣмъ же самымъ отношеніемъ, одинаковы между собою»; но приведенное въ текстѣ выраженіе гораздо лучше.

²⁾ Для тѣхъ, которые давно уже не заглядывали въ Эвклида, не лишне будетъ прибавить опредѣленіе пропорціональныхъ линій, состоящее въ слѣдующемъ: «Если намъ будутъ даны какія-нибудь четыре величины и если мы возьмемъ какія-нибудь равнократныя первой и третьей изъ нихъ, а также другія какія-нибудь равнократныя второй и четвертой изъ нихъ, и если при этомъ окажется, что, сообразно тому, будетъ ли кратная первой величины больше, равна, или меньше кратной второй, кратная третьей величины также будетъ больше, равна, или меньше кратной четвертой, то тогда говорится, что первая величина стоитъ ко второй въ томъ же самомъ отношеніи, какъ третья къ четвертой».

Н равнократныя D, F, то если Н будетъ больше, равно, или меньше, чѣмъ М, то и К будетъ больше, равно, или меньше чѣмъ N. Но выше было показано, что если G будетъ больше, равно, или меньше L, то и Н будетъ больше, равно, или меньше M; слѣдовательно, если G будетъ больше, равно или меньше L, то и К будетъ больше, равно или меньше N. А такъ какъ G, К суть нѣкоторыя равнократныя А, Е, а L, N нѣкоторыя равнократныя В, F, то, слѣдовательно, А относится къ В какъ Е къ F.

Въ видахъ большей простоты, оставимъ въ сторонѣ тѣ части этого доказательства, которые состоятъ во взятіи равнократныхъ и выведеніи непосредственныхъ заключеній; а сосредоточимъ наше вниманіе на рѣшеніи вопроса о томъ, посредствомъ какого процесса устанавливается то конечное отношеніе между этими равнократными, которое служитъ посылкою для желаемого заключенія. Чтобы сдѣлать наше разсужденіе болѣе яснымъ, мы отдѣлимъ эти равнократныя отъ первоначальныхъ величинъ и разсмотримъ особо относящуюся къ нимъ аргументацію.

G—————	H—————	K—————
L—————	M—————	N—————

На основаніи сдѣланнаго нами предположенія и построенія, мы доказали, что если G будетъ больше, равно, или меньше L, то и Н будетъ больше, равно, или меньше M. Такимъ же образомъ было доказано, что если Н будетъ больше, равно, или меньше M, то и К будетъ больше, равно, или меньше N. Откуда выводится, что если G будетъ больше, равно, или меньше L, то и К будетъ больше, равно, или меньше N. Слѣдовательно, выражаясь въ общей формѣ, установленный здѣсь фактъ состоитъ въ томъ, что какое бы отношеніе ни существовало между G и L, точно такое же отношеніе существуетъ и между Н и M,—будетъ ли это отношеніе превосходства, или отношеніе равенства, или отношеніе меньшаго къ большому, все равно. Т. е. отношенія G къ L и Н къ M, поскольку они опредѣлены здѣсь, извѣстны намъ какъ равныя. Тоже самое слѣдуетъ сказать и касательно отношеній Н къ M и К къ N, которыя также извѣстны намъ за равныя, по отношенію къ тѣмъ свойствамъ, которыя приписываются (predicated) имъ здѣсь. Показавъ, такимъ образомъ, что отношеніе G къ L равно отношенію Н къ M и отношеніе К къ N также равно этому же самому отношенію Н къ M, мы говоримъ, что, слѣдовательно, отношеніе G къ L равно отношенію К къ N. Это слѣдовательно заключаетъ въ себѣ

допущеніе, что отношенія, равныя порознь тому же самому отношенію, равны между собою.

Быть можетъ, намъ возразятъ на это такъ: «Утверждая, что если G будетъ больше, равно, или меньше L , то и H будетъ больше, равно, или меньше M , мы вовсе не утверждаемъ, будто-бы отношеніе G къ L равняется отношенію H къ M . Мы можемъ предположить, ничуть не отрицая нашего утвержденія, что G превосходитъ L въ большей пропорціи, чѣмъ H превосходитъ M ; и, въ этомъ случаѣ, отношенія не будутъ равными». Я считаю не труднымъ доказать, что возможность такого предположенія возникаетъ вслѣдствіе туманности опредѣленія пропорціональныхъ величинъ, и что требуется только схватить ясно истинный смыслъ этого опредѣленія, чтобы видѣть, что никакое подобное предположеніе не можетъ быть допущено. Впрочемъ, чтобы не останавливаться долго на этомъ, достаточно будетъ показать, что хотя отношенія G къ E и H къ M остаются въ нѣкоторой мѣрѣ неопредѣленными, тѣмъ неменѣе, поскольку они опредѣлены здѣсь, они равны между собою. Разсмотримъ данное предположеніе въ одной изъ его конкретныхъ формъ. Предположимъ, что было показано, что коль скоро G больше L , то и H больше M , и что коль скоро H больше M , то и K больше N ; откуда было выведено, что коль скоро G больше L , то и K больше N . Въ чемъ заключаются здѣсь послыжки и заключеніе? Здѣсь утверждается, что коль скоро первое отношеніе сходно со вторымъ въ нѣкоторой свойственной имъ обоимъ особенности (въ превосходствѣ первой величины, въ каждомъ изъ нихъ, надъ второю) и коль-скоро третье отношеніе также сходно со вторымъ въ этой же особенности, то первое отношеніе должно быть сходно съ третьимъ въ этой особенности. Но то же самое рѣзсужденіе приложимо ко всякой другой особенности, свойственной этимъ отношеніямъ, а слѣдовательно и ко всѣмъ ихъ особенностямъ. Откуда слѣдуетъ тотъ прямой выводъ, что отношенія, сходныя порознь съ однимъ и тѣмъ же отношеніемъ во всѣхъ своихъ особенностяхъ, или равныя ему, сходны между собою во всѣхъ особенностяхъ, или равны между собою.

Такимъ образомъ, та общая истина, что отношенія, равныя порознь одному и тому же отношенію, равны между собою, — истина, которой предыдущее предположеніе (§ 277), покинутое нами безъ разсмотрѣнія, составляло лишь одну изъ болѣе конкретныхъ формъ, — должна быть разсматриваема какъ аксіома. Подобно другой, аналогической съ нею истинѣ, — вещи, равныя порознь той же самой вещи, равны между собою, — она

не допускаетъ доказательствъ. Видя, какъ близко сродны другъ съ другомъ эти двѣ истины, многіе могутъ даже подумать, что одна изъ нихъ есть лишь частная форма другой и должна быть подводима подъ эту другую. Они могутъ сказать, что отношеніе, съ количественной точки зрѣнія, есть одинъ изъ видовъ вещи, и что то, что справедливо въ примѣненіи ко всѣмъ вещамъ, должно быть справедливо и въ примѣненіи къ отношеніямъ. Однако, еслибы даже это было показано достаточно удовлетворительнымъ образомъ, то все-таки, какъ мы это сейчасъ увидимъ, было бы необходимо выразить этотъ общій законъ въ его примѣненіи къ отношеніямъ. Въ тоже самое время, это критическое замѣчаніе служить къ тому, чтобы выставить въ еще болѣе ясномъ свѣтѣ аксіоматическую природу этого закона. Ибо, правильно ли или неправильно смотрѣть на количественное отношеніе какъ на вещь, во всякомъ случаѣ несомнѣнно справедливо, что, въ томъ умственномъ процессѣ, посредствомъ котораго мы усматриваемъ, что отношенія, равныя порознь тому же самому отношенію, равны между собою, представленія, съ которыми мы имѣемъ дѣло, суть всегда отношенія, а не предметы, между которыми эти отношенія существуютъ; что равенство этихъ отношеній можетъ быть усмотрѣно лишь въ томъ случаѣ, когда мы дѣлаемъ ихъ объектами нашей мысли, и что, слѣдовательно, эта аксіома, устанавливаемая посредствомъ сравненія трехъ представленій, устанавливается посредствомъ умственного акта такого же рода, какъ и тотъ, который имѣетъ своими терминами, вмѣсто отношеній, матерьяльныя вещи.

Только что видѣнная нами истина, что отношенія, равныя порознь тому же самому отношенію, равны между собою,—истина, относительно которой мы такимъ образомъ нашли, что она познается какъ простая интуиція ¹⁾, и которая только и можетъ быть познана такимъ образомъ,—

¹⁾ Здѣсь, какъ и повсюду, я употребляю это слово въ его обыкновенномъ смыслѣ, т. е. какъ означающее всякое познаніе, достигнутое съ помощью какого-либо неразложимаго умственного акта,—будутъ ли термины этого познанія реальными, или представляющимися (presented), или же идеальными, т. е. воспроизведенными (represented) въ сознаниі. Сэръ Вильямъ Гамильтонъ, раздѣляя знаніе на воспроизведенное (representative) и на представляющееся (presentative), или интуитивное, ограничиваетъ значеніе интуиціи тѣмъ, что извѣстно подъ названіемъ внѣшняго воспріятія. Если, глядя одновременно на лошадь и собаку, мы видимъ, что первая больше второй, то это познаніе интуитивное; но если лошадь и собака представлены нами себѣ въ воображеніи и если болѣебшій размѣръ лошади, сравнительно съ собакою, усмотрѣнъ нами въ мысли, а не въ природѣ, то